

П. И. Костогрызов

ОБЩИННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Термин «общинное правосудие» или «общинная юстиция» охватывает различные институты разрешения конфликтов и регулирования общественного поведения в соответствии с социальными нормами, предписываемыми общинами. Это явление почти столь же древнее, как само человеческое общество – оно возникло, вероятно, при переходе от родовой общины к соседской и продолжало существовать вплоть до образования государства-нации эпохи Модерна, а во многих странах «третьего мира» сохраняется и в наше время. Между тем, тема общинного правосудия до сих пор остается малоисследованной в юридической антропологии, особенно российской. Цель статьи – опираясь на исторические и этнографические данные, сформулировать основные положения концепции общинной юстиции. Автор предлагает дефиницию понятия «общинное правосудие», выявляет предпосылки возникновения и сохранения этого явления. Далее, он определяет основные элементы общинного правосудия, то есть устойчивые социальные и ментальные структуры, составляющие институциональную основу этого явления, а также принципы, детерминирующие его базовые характеристики и особенности функционирования. В заключительной части статьи обсуждаются некоторые дискуссионные вопросы, такие как правовая природа общинного правосудия и его институциональное устройство. Приводятся аргументы за и против позиции, согласно которой общинная юстиция имеет иную правовую природу, нежели государственная (дуализм судебной власти).

Ключевые слова: правосудие, община, общинная юстиция, общинное правосудие, правовой плюрализм, обычное право, общинное право, юридическая антропология.

Антрополого-юридические исследования в нашей стране ведутся давно, особенно активно эта отрасль антропологии развивается с начала 1990-х годов (Соколовский, 2015; Костогрызов, 2017). При этом интерес большинства ученых сосредоточен на материально-правовых аспектах юридического быта изучаемых человеческих общностей. Их внимание фокусируется главным образом на обычном (общинном) праве, причем рассматриваемом в основном под углом зрения его нормативного содержания – регулирования тех или иных правоотношений, институтов и норм – а также его взаимодействию с внешней по отношению к данной общности правовой средой, в первую очередь в лице государства и его юридических установлений. Гораздо меньше исследовательских усилий современная отечественная антропология права посвящает институциональной составляющей юридического бытия людей, то есть органам, осуществляющим правоприменение. Между тем, правовые нормы, как известно, приводятся в действие не безличными объективными силами, подобно законам природы, а людьми, организованными в социальные институты. Особый интерес с точки зрения юридической антропологии представляют такие институты в безгосударственных обществах, а также действующие «на периферии» государства, получая свои полномочия не от него, а от иных социальных акторов.

Тем не менее в российской антропологии права не так много работ, полностью посвященных теме негосударственного правосудия (см., напр.: Традиционные практики, 2014). Несколько чаще встречаются исследования, в которых она рассматривается в контексте обычно-правовой проблематики (Сушкова, 2009; Безгин, 2017 и др.). Зарубежные ученые уделяют этой теме больше внимания, но их работы представляют собой главным образом результаты полевых исследований в постколониальных странах (см., напр.: Brandt, Franco, 2006; Sistema jurídico, 2007; Sousa Santos, Exeni, 2012; Sousa Santos, Grijalva 2012; Understanding, 2012). Теоретические обобщения, как правило, ограничиваются региональным, конфессиональным или этническим уровнем, попытки построения всеобъемлющих концепций за редкими исключениями (см., напр.: Karp, Clear, 2000) практически не предпринимаются. На наш

взгляд, назрела необходимость глубокого теоретического осмысления феномена негосударственного правосудия.

Его наиболее распространенным (как исторически, так и в современном мире) типом является *общинное правосудие* или *общинная юстиция* (здесь и далее эти термины используются как равнозначные). Данная статья представляет собой попытку концептуализации этого понятия.

Большинству наших современников и соотечественников представляется неразрывной связью понятий «суд», «правосудие», «юстиция» с государством. Для многих российских юристов сама мысль о том, что правосудие может быть не только государственным, звучит как некое недоразумение. Однако монополия государственной власти на отправление судебных функций – явление исторически недавнее. На протяжении большей части мировой истории ситуация была иной. Государства до эпохи Модерна не претендовали на такую монополию. Наряду с государственными повсеместно функционировали иные судебные институты. Чаще всего в этом качестве выступали органы общинного правосудия, а исполнение принятых ими решений обеспечивали сами общины, не прибегая к государственному принуждению.

Положение стало меняться с наступлением Нового Времени. Государство нового типа – государство-нация – предъявило претензии на исключительное право выполнять функции правового регулирования на всей подвластной ему территории. В странах Западной цивилизации эти претензии соответствовали достигнутому уровню развития общественных отношений и поэтому смогли быть реализованы. Но в большинстве государств, принадлежащих к другим культурным ареалам ситуация существенно иная: в Азии, Африке, Латинской Америке институты общинной юстиции продолжают действовать и в наши дни. Более того, и во многих развитых странах «первого мира» в последние десятилетия происходит своего рода ренессанс общинного правосудия, в котором ищут решение таких проблем, как перегруженность судов делами и неспособность государственной правоохранительной системы защитить общество от преступности. Различные формы общинной юстиции находят применение в США, Канаде, Австралии и ряде других стран Запада (Ardila, 2009; Karp, Clear, 2000).

Цель данной статьи – сформулировать основные положения концепции общинного правосудия, для чего необходимо дать определение этого понятия, выявить предпосылки возникновения данного феномена, его элементы и основные принципы, а также выяснить его правовую природу. Хотя областью применения концепции являются в первую очередь институты общинной юстиции, действующие в современных условиях, в ходе рассуждений мы будем иметь в виду и исторический опыт, так как конструируемые теоретические положения должны иметь предельно общий характер, чтобы быть пригодными для описания всех явлений этого рода, независимо от времени и места.

Поскольку понятие «общинное правосудие» выступает как видовое по отношению к родовому понятию «правосудие», очевидно, что именно дефиниция последнего должна стать отправной точкой рассуждения. Господствующий в современной отечественной юридической науке подход к его определению характеризуется строгим этатизмом (понимание правосудия исключительно как вида государственной деятельности) и последовательным позитивизмом (стремление как можно точнее следовать формулировкам действующего законодательства Российской Федерации). В результате предлагаемые большинством авторов дефиниции (Большой юридический словарь, 2000: 469; Правосудие в современном мире, 2014: 43, 59, 216, 217 и др.) получаются слишком узкими: они охватывают только тот конкретно-исторический тип правосудия, который сложился «здесь и сейчас». Не допуская возможности существования каких-либо иных видов правосудия, кроме государственного, и его отправления какими-либо иными институтами, кроме суда, они сильно сужают объем определяемого понятия, оставляя за его рамками большое разнообразие типов правосудия, существовавших в истории человечества и существующих в различных регионах в наше время. Поэтому для достижения поставленных нами задач предлагается использовать следующее определение:

– **правосудие** – общественное благо, которое состоит в разрешении правовых споров в соответствии с принципом справедливости путем принятия постановлений, имеющих обязательную силу (Костогрызов, 2019).

Теперь мы можем перейти к дефиниции общинной юстиции как одного из типов правосудия. С учетом имеющихся в мировой науке подходов (Machicado, 2009; Karp, Clear, 2000; Brandt, Franco, 2006; Ardila, 2009) наиболее релевантным представляется такое определение: **общинное правосудие** – это система институтов и процедур, обеспечивающая разрешение правовых споров в соответствии с принципом справедливости в рамках определенной общины силами самой общины.

Для функционирования подобного рода институтов требуется сочетание определенных условий. Предпосылки, обуславливающие существование общинной юстиции, можно разделить на внешние и внутренние. Первые характеризуют состояние социально-политической и правовой среды, вторые – свойства самой общины.

Главный внешний фактор, определяющий необходимость существования общинной юстиции, это, безусловно, состояние институтов государства и проводимая государственной властью правовая политика. Общинное правосудие безраздельно господствовало в догосударственную эпоху, затем последовал длительный период его сосуществования с государственной юстицией, в течение которого последняя постепенно его вытесняла на периферию правового бытия. В наше время оно сохраняется или вновь возникает в «лакунах» государственности, там, где официальные органы не могут поддерживать социальный порядок, либо там, где публичная власть сознательно ограничивает свою монополию на установление и поддержание такого порядка, уступая поле деятельности общественным силам.

Вторым, едва ли менее важным, фактором является состояние правовой и социальной среды, в которую «погружена» община, или лучше сказать, часть которой она сама составляет. Наибольшее значение имеют такие характеристики этой среды, как уровень преступности, степень неурегулированности отношений, способных породить правовые споры, общая конфликтность социума. Чем выше значение каждого из этих факторов, тем сильнее запрос в обществе на согласованные действия «снизу» по поддержанию правового порядка.

Что касается возможности существования общинной юстиции, то она в большей степени определяется внутренними предпосылками. Чтобы община была способна к самостоятельному отправлению правосудия, ей необходим определенный уровень юридического капитала (под *юридическим капиталом* имеется в виду разновидность социального капитала, представляющая собой потенциал действия агента в юридическом поле) [Бурдьё, 2005; 1993; 2002]. Причем капитал этот должен принадлежать именно общине как институту, а не отдельным её членам персонально, так чтобы она могла наделять им тех лиц, которым поручает вершить правосудие от её имени (в противном случае это была бы не общинная, а частная юстиция). Другое важное условие – существование *общинного правосознания*, то есть такого, базовые элементы (ценности и принципы) которого разделяют все члены общины.

Итак, внешними предпосылками возникновения и сохранения общинной юстиции являются отсутствие или слабость государственных институтов и турбулентное состояние правовой среды, формирующие **потребность** в нем, а внутренними – наличие в общине целостного правосознания и юридического капитала, обеспечивающее **возможность** его существования.

Для построения концепции общинного правосудия необходимо вычлнить его основные элементы и сформулировать принципы его функционирования. Под элементами в данном контексте понимаются устойчивые социальные и ментальные структуры, составляющие институциональную основу изучаемого явления, то есть такие, без которых оно не может существовать (под «ментальными структурами» мы имеем в виду феномены не индивидуального, а группового, в данном случае общинного, сознания). А принципы – это руководящие начала, определяющие базовые характеристики общинного правосудия, задающие магистральное

направление его деятельности, детерминирующие особенности его функционирования, постановки и достижения целей. Отталкиваясь от модели, предложенной американскими учеными Д. Карпом и Т. Клиром (Carp, Clear, 2000) и опираясь на результаты исторических и антропологических исследований (Сушкова, 2009; Understanding, 2012, Традиционные практики, 2014; Безгин, 2017; Костокрызов, 2018), мы выделили четыре элемента и семь принципов общинного правосудия.

1. Первым и наиболее важным элементом общинного правосудия следует признать саму **общину** как социальную организацию, контролирующую определенную территорию. Институты общинной юстиции функционируют в территориальных границах. Это может быть городской квартал, часть поселка или, наоборот, несколько деревень, жители которых объединились для совместных действий по поддержанию социального порядка. Конфигурация общинной территории определяется наличием реальных, а не формальных соседских связей: это место, где живут люди, ощущающие единство своих интересов (именно как соседей, живущих вместе на этой земле) и готовые к совместным действиям для их достижения.

2. **Общинное правосознание.** «Цементирующим» элементом, обеспечивающим саму возможность существования и функционирования общинного правосудия, является единое для всех членов общины правосознание. Без него невозможна легитимация принимаемых общинными органами правовых решений.

3. **Гражданское участие.** Социальный порядок базируется на «фундаменте, образованном общественными институтами и практиками» (Carp, Clear, 2000: 330). Общинная юстиция требует регулярного участия всех членов локального сообщества в работе по выявлению, разрешению и предотвращению конфликтов, и подтверждению существующего правопорядка. Поэтому ее необходимым элементом является сознательный и активный гражданин, готовый уделять часть своих ресурсов работе по поддержанию правопорядка (применительно к догосударственной эпохе или современным этносам-изолятам, живущим вне контакта с государственными институтами и гражданским обществом соответствующих стран, термин «гражданин» может быть заменен на «общинник», суть сказанного это не меняет).

4. **Институционализованный юридический капитал.** Для того чтобы община была способна создавать эффективные институты правосудия, необходимо, во-первых, чтобы она обладала собственным юридическим капиталом, то есть потенциалом действия в юридическом поле, дающим возможность разрешать правовые споры и обеспечивать обязательность исполнения таких решений. Во-вторых, этот капитал должен быть институционализирован, то есть «инвестирован» в определенные институты, осуществляющие правосудие от имени общины – органы общинной юстиции, а не распределен между отдельными индивидами в зависимости от их личных качеств.

Основополагающими принципами общинной юстиции являются:

1. **Судебная автономия.** Общинное правосудие имеет собственный источник полномочий и не является звеном системы судебной власти государства. Между различными агентами преобладают горизонтальные связи, что, впрочем, не исключает создания иерархических структур, в частности, соподчиненных судебных инстанций различного уровня, однако их формирование и делегирование полномочий происходит снизу вверх.

2. **Решение проблем.** Любой правовой конфликт с точки зрения общинной юстиции рассматривается как проблема (Carp, Clear, 2000: 328) (причем не всегда касающаяся только непосредственных участников, а часто затрагивающая и других лиц, вплоть до общины в целом), которую необходимо решить.

3. **Постоянное подтверждение (аффирмация) правового порядка.** «Фундаментальный принцип общинной юстиции состоит в постоянном подтверждении стандартов поведения, которым бросает вызов противоправное деяние... Это сознательный процесс, который позволяет в явном виде формулировать стандарты поведения и придавать им глубокое обоснование» (Carp, Clear, 2000: 331).

Поскольку право, которым руководствуются общинные институты, часто существует в неписаном виде, многие нормы «подразумеваются», не будучи артикулированы эксплицитно. Правовой спор, затрагивающий какую-либо из таких норм, выводит ее «на поверхность» общественного сознания, заставляя общину сформулировать ее явно и четко. Таким образом норма не только подтверждается, но и уточняется, и уясняется всеми членами общины, даже непосредственно не вовлеченными в данный конфликт.

4. Восстановительное правосудие. Целью общинной юстиции является не покарать правонарушителя или утвердить субъективное право одной из сторон во всей его незыблемости, а возместить нанесенный ущерб и – главное – восстановить нарушенный общественный мир и нормальный порядок общежития. Именно эти ценности, а не неприкосновенность субъективных прав являются главными в глазах общинного правосудия. Правовой конфликт рассматривается как «разрыв социальной ткани», а его решение призвано восстановить социальную гармонию. Общинный суд исходит из понимания того, что обе стороны – и потерпевший, и нарушитель – остаются членами одного локального сообщества, поэтому он стремится скорее к достижению компромисса между ними, нежели к установлению абсолютной истины; в отношении правонарушителя ставится цель вернуть его в систему сложившихся социальных связей, примирить с общинным коллективом, заставить осознать недопустимость своего образа действий и отказаться от повторения нарушения в будущем; в отношении потерпевшего – обеспечить ему возмещение нанесенного ущерба и гарантии от новых посягательств.

Однако необходимо оговориться, что восстановительное правосудие является основным, но не единственным модусом действия общинной юстиции. В ее арсенале есть и другие средства, вплоть до карательных мер, но применяются они лишь в крайних случаях, когда все возможности решения проблемы примирением сторон исчерпаны. Следует учитывать также важное различие исправительной политики общины по отношению к своим членам и «чужакам», т. е. лицам, не принадлежащим к ней. К последним гораздо чаще применяются именно карательные меры. Объясняется это не особой жестокостью к «чужим», а тем, что они не включены в ту систему социальных связей, на восстановление которых, собственно, и направлено восстановительное правосудие. Кроме того, зона социального контроля общинного коллектива ограничена как территориально, так и персонально. Община не может контролировать поведение не входящего в ее состав и не живущего в ней человека, обеспечивая исполнение им мер по восстановлению нарушенных прав и в целом его исправление. Она может воздействовать на него лишь пока он находится в ее власти (чаще всего – когда он пойман непосредственно в момент или после совершения преступления). Меры воздействия при этом по необходимости должны быть краткосрочными по времени исполнения и одновременно действенными. А такими свойствами обладает лишь наказание, как правило, физическое или позорящее. Примером могут служить многочисленные факты жестокой расправы (вплоть до убийства) русских крестьян над конокрадами (Безгин, 2017: 258–274).

5. Забота о качестве жизни общины. Каждый правовой спор является для общины не просто «делом», которое надо решить, но и вызовом, который ставит задачу предотвратить повторение подобных конфликтов в будущем или, по крайней мере, выработать механизм их быстрого и по возможности безболезненного для сторон (и других членов сообщества) купирования. Конечно, идеал бесконфликтного социума недостижим, но поддержание благоприятной социальной среды с помощью сознательных усилий возможно. Оно включает в том числе и реинтеграцию правонарушителей в общину, и контроль за их поведением со стороны сообщества с целью превенции повторного совершения противоправных деяний.

6. Равноправие. Справедливость – в том числе в юридическом смысле – заключается в частности в том, что всем индивидам предъявляются равные требования и применяются равные критерии оценки их поведения. Поскольку общину конституирует прежде всего чувство сопринадлежности ее членов, соблюдение принципа равноправия крайне важно, так как его

нарушение действует разрушительно именно на это чувство, что может привести к распаду общины.

7. Социальная ответственность. Этот принцип напрямую связан с гражданским участием, которое было названо выше в качестве одного из элементов общинного правосудия. Подчеркнем еще раз, что община не может полноценно функционировать без определенного уровня гражданской активности ее членов. Социальная ответственность – характеристика поведения индивидов, заключающаяся в том, что они, преследуя собственные цели, учитывают права и интересы других, а также интересы сообщества в целом и проявляют готовность и способность кооперироваться друг с другом для достижения общих целей. Важнейший ресурс, которым обладает община – люди, и вовлечение как можно большего числа общинников в процессы «производства» публичных благ (в том числе таких как правосудие, общественный порядок и безопасность) является одним из средств повышения качества жизни всего сообщества.

Социальная ответственность проявляется и в общественном контроле по отношению к нарушителям. Поскольку община, в отличие от государства, не обладает (за редкими исключениями) возможностью изолировать своего члена, нарушающего установленные нормы, она должна предпринимать усилия по его реинтеграции, которая означает в том числе полноценное участие в общих делах. То есть целью «исправительной политики» общины по отношению к правонарушителю является превращение его в социально ответственного гражданина, а не просто пресечение его противоправной активности и возмещение причиненного им ущерба.

Дискуссионным остается вопрос о правовой природе общинного правосудия. Когда речь идет о догосударственных обществах, очевидно, что в них судебные полномочия общинных властей выражали волю самого коллектива общинников, будучи одной из форм власти последнего, еще не отделившейся от подвластных и исторически предшествовавшей публичной власти государства. Что же касается институтов общинной юстиции, функционирующих в государственно-организованных социумах и особенно в современных государствах, возможны два подхода к пониманию природы и источника их юрисдикционных полномочий (Brandt, Franco, 2006: 96–97).

Первый исходит из представления о строгом единстве судебной власти. Общинное правосудие с этой точки зрения рассматривается как специальная юрисдикция в составе судебной системы государства, а полномочия общинных судов – как делегированные верховной властью.

Противоположная позиция состоит в том, что эти полномочия имеют другую природу. Во-первых, потому, что община древнее государства. Там, где она сохранялась в раннегосударственный период, она продолжала осуществлять по сути ту же самую власть над своими членами, которую имела до его возникновения. А многие общины коренных народов в современных государствах осуществляют ее и сейчас, существуя непрерывно с догосударственных времен. Во-вторых, даже в тех случаях, когда общины возникали в государственно-организованных социумах, они появлялись в «лакунах» государственности, там, где официальные институты отсутствовали или были бессильны. Не имея никакой власти, последние, очевидно, не могли ее никому и делегировать. Следовательно, общины получали свою власть (в том числе судебную) не от государственных органов, а непосредственно от своих членов, признававших за ними соответствующие полномочия. А значит, природа общинной власти не изменилась с появлением государства. Таким образом, становится возможным говорить о дуализме самой судебной власти: одна принадлежит государству, другая – народу, организованному в общины.

Чтобы выяснить, какой из подходов ближе к истине, прежде всего обратимся к историческому анализу происхождения судебной власти. Первые государства складывались из общин, которые уже имели собственные судебные органы. Государственная система юстиции надстраивалась над общинной, не заменяя и не отменяя ее, а беря на себя рассмотрение дел,

выходящих за пределы компетенции отдельных общин (споры между общинами, между общиной и правительственной администрацией, тяжбы с участием служилых людей, не входящих в общинный коллектив, и т. д.). Таким образом, дуализм был присущ судебной власти изначально. В развитых странах Западного мира он был преодолен в Новое время. Общинные суды ликвидировались либо включались в национальную систему органов юстиции в качестве ее низших звеньев (в частности, «наследниками» общинных судов, например, в Англии стали мировые судьи). Однако там, где общинное правосудие сохранилось, нет никаких оснований отказывать ему в самостоятельном, независимом от государства происхождении и источнике полномочий.

Что же касается вновь возникающих институтов общинной юстиции, то они появляются вне поля действия официальной публичной власти и действуют без поручения, а часто и без дозволения последней, а, следовательно, их власть вершить правосудие не основана на уполномочии со стороны государства, то есть точно так же имеет самостоятельный источник. Этим источником, как и в случае исторических общин, является сам коллектив граждан, создающий соответствующий орган и делегирующий ему право решать юридические споры.

Аргументом против признания дуализма судебной власти могло бы служить указание на то, что в настоящее время многие органы общинной юстиции создаются на основе соответствующих положений конституций и законов. Однако нигде государство не выступает инициатором формирования этих институтов; конституционное или законодательное закрепление принципа юридического плюрализма означает лишь признание со стороны государства фактического положения вещей, а не создание чего-то нового. Естественно, когда государство перестает препятствовать деятельности органов общинного правосудия, количество последних увеличивается. Но этот факт не меняет самой их социальной и юридической природы – она у вновь возникающих общинных судов остается той же, что и у действовавших до официального признания, а их полномочия так же делегируются им жителями соответствующего поселения, а не государственной властью. Последняя лишь допускает существование рядом с собой иной общественной силы, могущей отправлять правосудие (в строго ограниченных пределах).

В качестве еще одного контраргумента можно было бы привести суждение о том, что носителем суверенитета, а, следовательно, и источником всякой власти, в том числе и судебной, в большинстве современных стран признается народ (нация). Таким образом, полномочия и государственных, и общинных судов, казалось бы, происходят из одного источника. Однако есть существенная разница между народом как нацией, распространяющей свой суверенитет на всю территорию и все население страны, и народом как совокупностью локальных коллективов, устанавливающих определенный правопорядок каждый на своей части национальной территории. Если в первом качестве народ представляет собой единый субъект (хотя бы только в идеальном, юридическом смысле), то во втором он распадается на множество отдельных субъектов, каждый из которых может делегировать создаваемым им институтам полномочия вершить правосудие на соответствующей территории и в тех пределах, в которых эта функция не выполняется государственной юстицией. И если судебная власть государства исходит от нации, то власть общинного суда – от коллектива людей, образующих соответствующую общину, безотносительно того, входят ли они в какую-либо нацию или нет. Таким образом, идея дуализма судебной власти представляется обоснованной как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения.

Еще одна дискуссионная тема – институциональное устройство общинного правосудия, структура его органов. Хотя она пока не стала предметом самостоятельного исследования, накопленный к данному моменту корпус исторических и этнографических знаний позволяет сделать вывод о существовании некой универсальной модели организации общинной юстиции, лежащей в основе всех ее известных вариантов.

Носителем высшей судебной власти в общине является общее собрание (сход), включающее всех ее полноправных членов (как правило – взрослых мужчин). Оно разбирает наиболее значимые для общинного коллектива дела, такие как споры о земле или серьезные правонарушения, угрожающие внутриобщинному миру. Также оно выступает в качестве апелляционной инстанции по отношению к другим судебным органам, имеющимся в общине.

Наиболее типичным примером последних является суд старейшин, существовавший в той или иной форме практически у всех народов. Он может функционировать либо в лице совета старейшин, если последний существует в качестве особого оформленного органа в данной общине, или просто как суд стариков. Например, в русской дореволюционной деревне отправление правосудия поручалось коллегии из четырех крестьян не моложе 45–50 лет с хорошей репутации под председательством сельского старосты (Безгин, 2017: 244). Другой вариант – наделение судебной властью выборных должностных лиц общины. Эта функция может присутствовать у них наряду с другими – как в случае глав общин – вождей, «бигменов» и т. д. – так и быть единственной, когда речь идет о специальных должностных лицах или коллегиальных органах, в чьи обязанности входит только разрешение судебных споров. Менее распространена практика учреждения в общине «специальных юрисдикций», т. е. особых судебных органов для рассмотрения определенных категорий дел. Так, в некоторых земледельческих общинах, например, у андских индейцев, наряду с судьями «общей юрисдикции» существуют специальные судьи, в чью компетенцию входит разрешение земельных споров. Кроме того, могут учреждаться различные судебные органы *ad hoc* для рассмотрения конкретного дела.

Чем малочисленнее община, тем проще устройство ее системы правосудия. Конфигурация институтов общинной юстиции зависит также от присутствия государства и степени его вмешательства в регулирование социальных отношений. По мере возрастания роли государственной юстиции в разрешении конфликтов в социуме пространство деятельности общинного правосудия сужается, а структура его органов соответственно упрощается.

Дискуссионным остается также вопрос о том, где «начинается» и где «заканчивается» общинное правосудие, т. е. что следует считать его низшей и высшей «инстанциями». Так, существующее во многих традиционных общинах семейное правосудие некоторые авторы рассматривают в качестве «первой инстанции» общинной юстиции. На наш взгляд, это неверно, так как власть главы семьи (или совета ее старших членов) урегулировать внутрисемейные конфликты не делегируется ему общиной, а возникает на самостоятельной основе. С другой стороны, исторические и этнографические данные позволяют говорить о возможности достройки иерархии общинного правосудия вверх, на надобщинный уровень. Общины вступают между собой в разнообразные отношения, в том числе могут образовывать объединения, союзы (например, по племенному или территориальному принципу). В таких объединениях формируются органы власти, в том числе судебной, принимающие на себя функции апелляционной инстанции по отношению к судам отдельных общин. Эти институты следует рассматривать как органы общинного правосудия, поскольку их полномочия делегированы им общинными коллективами, и общеобязательность их решений также обеспечивается силами общин (то есть общины подчиняются этим решениям добровольно). Если же у них появляется иная, внешний по отношению к подчиненным общинам источник власти, то становится возможным говорить о зарождении государства и соответственно государственной юстиции.

Концепция общинного правосудия, основные положения которой изложены в статье, разумеется, не может претендовать на полноту и завершенность, она нуждается в дальнейшей разработке, для чего, возможно, потребуются совместные усилия многих ученых. Автор надеется, что эта статья послужит отправной точкой плодотворной дискуссии по данной проблеме.

Список литературы:

- Безгин В. Б.** Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place. – 2017. – 334 с.
Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М. 2000. – 704 с.
- Бурдье П.** Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
- Бурдье П.** Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Бурдье П.** Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
- Костогрызов П. И.** Общинное правосудие в странах Латинской Америки. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 248 с.
- Костогрызов П. И.** Понятие правосудия: философско-правовой анализ // Государство и право. – 2019. – № 10, – С. 175–180.
- Костогрызов П. И.** Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 81–99. DOI 10.17506/rypl.2016.17.4.8199
Правосудие в современном мире. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 720 с.
- Соколовский С. В.** 2015. Российская антропология: современная проблематика и дисциплинарное устройство // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 19. – М.: Наследие ММК. – С. 132–168.
- Сушкова Ю. Н.** Этноправосудие у мордвы. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 576 с.
Традиционные практики урегулирования конфликтов. Мат. ежегодного семинара 2010–2014. – М.: 2014 – 252 с.
- Ardila E.** Justicia comunitaria y sociedad nacional. 2009. [Электронный ресурс] – URL – http://www.justgovernance-group.org/es/documentos_del_group/justicia/justicia_1.pdf.
- Brandt H.-J., Franco R.** (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. – Vol. 1. – Lima: IDL. 2006. – 280 p.
- Karp D. R., Clear T. R.** Community Justice: a Conceptual Framework. CRIMINAL JUSTICE. 2000. – Vol. 2. – P. 323–368.
- Machicado J.** ¿Que es la Justicia Comunitaria? [Электронный ресурс] – URL – <http://jorgemachicado.blogspot.com/2009/01/justicia-comunitaria.html>
Sistema jurídico de los Pueblos Indígenas, Originarios y Comunidades Campesinas. – La Paz, 2007.
- Sousa Santos B. de, Exeni Rodríguez J. L.** (Comps.). Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Bolivia. Quito: Abya Yala, 2012.– 754 p.
- Sousa Santos B. de, Grijalva A.** (Comps.). Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Ecuador. Quito: Abya Yala, 2012. – 650 p.
- Understanding access to justice and conflict resolution at the local level in the Central African Republic. The World Bank Group. 2012. – 80 p.

Костогрызов Павел Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт философии и права Уральского отделения РАН.

Ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, Россия, 620990.

E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2019 г.

P. I. Kostogryzov

COMMUNITY JUSTICE

The term "community justice" encompasses a variety of institutions for conflict resolution and regulation of social behavior according to the norms prescribed by communities.

This phenomenon is almost as old as the human society itself – it probably arose during the transition from the tribal community to the neighbor and had been existing until the formation of the nation-state in the Modern Age, and in many countries of the "third world" it is still existing nowadays. Notwithstanding this fact, the topic of community justice remains poorly studied in legal anthropology, especially in Russia. The main purpose of the article is to formulate basic provisions of the concept of community justice based on historical and ethnographic data. The author proposes a definition of the notion of "community justice", identifies the prerequisites for the emergence and preservation of this phenomenon. Further, he defines the basic elements of community justice, that is, sustainable social and mental structures that constitute institutional basis of the phenomenon, as well as the principles that determine

its basic characteristics and features of functioning. In the final part of the article some controversial issues are discussed, such as the legal nature of community justice and its institutional structure. The arguments are presented in favor and against the position that community justice has a different legal nature than the state (dualism of the judicial power).

Key words: *justice, community, community justice, legal pluralism, customary law, community law, legal anthropology.*

References:

- Bezgin V. B.* Uzhickaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan [Peasants' truth. Customary law and judgment among Russian peasants]. – Moscow: Common place. – 2017. – 334 c. (in Russian)
- Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Big Dictionary of Law]. – Moscow, INFRA-M, 2000. – 704 p. (in Russian)
- Bourdieu, P.* Social'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. – Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2005. – 576 p. (in Russian)
- Bourdieu, P.* Sociologiya politiki [Sociology of Politics]. – Moscow: Socio-Logos, 1993. – 336 p. (in Russian)
- Bourdieu, P.* Formy kapitala [Forms of capital]. – Ekonomicheskaja sociologija. 2002. – Vol. 3, № 5. – P. 60–74. (in Russian)
- Kostogryzov P. I.* Obshchinnoe pravosudie v stranah Latinskoj Ameriki. [Community justice in Latin American countries]. – M.: Yurlitinform, 2018. – 248 p. (in Russian)
- Kostogryzov P. I.* Ponyatie pravosudiya: filosofsko-pravovoj analiz The concept of justice: philosophical and legal analysis // Gosudarstvo i pravo= State and Law? – 2019. – № 10. –P. 175–180. (in Russian)
- Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in contemporary world]. – Moscow: Norma: INFRA-M. 2014. – 720 p. (in Russian)
- Sushkova Yu. N.* Etnopravosudie u mordvy [Mordovian ethnojustice in late 19th – early 20th cent.] Abstract of the thesis ... doctor of historical sciences. – Cheboksary-2009. – 49 p. (in Russian)
- Tradicionnye praktiki uregulirovaniya konfliktov* [Traditional practices of conflict resolution]. Mat. ezhegodnogo seminarra 2010–2014. – M.: 2014. – 252 p. (in Russian)
- Ardila E.* Justicia comunitaria y sociedad nacional [Community justice and national society]. – 2009. – URL – http://www.justgovernancegroup.org/es/documentos_del_group/justicia/justicia_1.pdf. (in Russian)
- Brandt, H.-J., Franco, R.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. [Community justice in the Andes: Peru and Ecuador]. – Vol. 1. – Lima: IDL. 2006. – 280 p.
- Karp, D. R., Clear, T. R.* Community Justice: a Conceptual Framework. CRIMINAL JUSTICE. 2000. – Vol. 2. – p. 323–368.
- Machicado, J.* Que es la Justicia Comunitaria? [What is Community Justice?] – URL – <http://jorgemachicado.blogspot.com/2009/01/justicia-comunitaria.html>
- Sistema jurídico de los Pueblos Indígenas, Originarios y Comunidades Campesinas.* [Legal system of indigenous peoples and peasants' communities] – La Paz, 2007.
- Sousa Santos, B. de, Exeni Rodríguez, J. L.* (Comps.). Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Bolivia [Indigenous justice, plurinationality and interculturalism in Bolivia]. – Quito: Abya Yala, 2012. – 754 p.
- Sousa Santos, B. de, Grijalva, A.* (Comps.). Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Ecuador [Indigenous justice, plurinationality and interculturalism in Ecuador]. – Quito: Abya Yala, 2012. – 650 p.
- Understanding access to justice and conflict resolution at the local level in the Central African Republic.* The World Bank Group. 2012. – 80 p.

Kostogryzov P. I., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

St., S. Kovalevskoy, 16, Yekaterinburg, Russia. 620990.

E-mail: pkostogryzov@yandex.ru